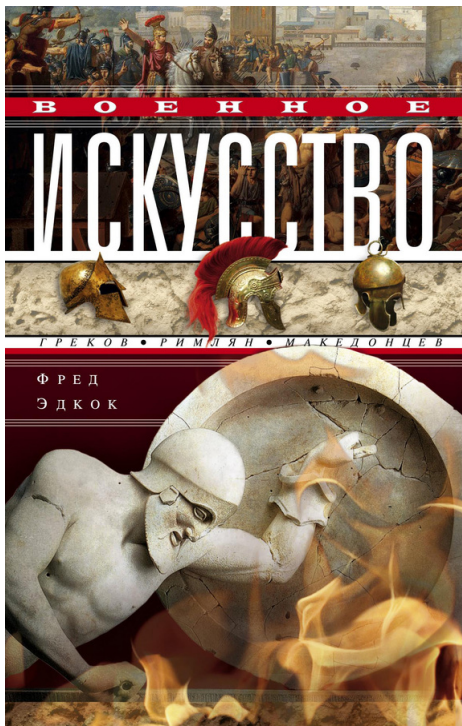

Фрэнк Эзра Эдкок
Военное искусство греков,
римлян, македонцев

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4937644

Военное искусство греков, римлян, македонцев: ЗАО Центрполиграф; М.; 2012

ISBN 978-5-9524-5061-5

Аннотация

Фрэнк Эзра Эдкок, выступая с позиций беспристрастного историка, старается дать объективную и непредвзятую оценку римской военной машине и особенностям ведения войны греками и македонцами. Не разбирая подробностей военных кампаний, автор рассматривает, как древние воины распоряжались теми средствами, которые у них были в наличии, в какой мере военные успехи в то время зависели от численности армий, от искусства полководцев и условий местности, дает характеристику наиболее выдающимся деятелям военной истории Античности.

Содержание

Книга 1	4
Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Фрэнк Эзра Эдкок

Военное искусство греков, римлян, македонцев

Книга 1

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ЭПОХИ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Глава 1

ЛЮДИ

Выбранная мной тема – римское военное искусство периода республики. Я надеюсь, вы не сочтете меня безрассудным и бессердечным поборником войны, однако я должен признать, что в истории человечества были времена, когда даже самые порядочные люди считали войну наименьшим из возможных зол, времена, когда в мире не находилось места мудрости и благоразумию. Как и в наши дни, в Античности полагали, что раз уж война началась, то гораздо лучше победить в ней, нежели проиграть. Если бы в международных отношениях того времени рассудительность и честность играли большую роль, глава, которую римлянам пришлось вписать в историю войн, оказалась бы значительно меньше. Однако, чтобы понять прошлое, в котором к тому же содержатся и многие ключи к пониманию настоящего, мы не имеем права ошибиться в оценке тех факторов, которые влияли на ход этой истории. Военное искусство было неотъемлемой частью Римского государства, и, как и само это государство, оно оставило в мировой истории неизгладимый след. Римляне отнюдь не восторгались войной и еще меньше были склонны идеализировать ее. Тем не менее они неплохо понимали суть войны, и без осмысления их отношения к войне мы вряд ли сумеем понять их самих.

Много усилий было затрачено на изучение географии военных кампаний Античности, пожалуй, даже больше, чем на организацию армий и вооружение солдат. Хотя все эти вопросы и не составляют предмет моего непосредственного изучения, я, разумеется, заинтересован в результатах этих исследований. Моя же задача состоит скорее в том, чтобы оценить, как римляне сумели использовать те средства, которые оказались в их руках с позиций их времени, постараться оценить их качества как солдат, моряков и полководцев. Такая постановка задачи подразумевает толкование имеющихся сведений в довольно широких пределах, а это всегда весьма рискованно и дает достаточно субъективные результаты. Таким образом, я могу лишь постараться передать тот образ, который сформировался в моем сознании, не претендуя на его абсолютную достоверность.

Римское военное искусство важнейшим фактором для достижения победы полагало подготовку и численность солдат, а непосредственное размещение их на поле боя стояло на втором месте. Соответственно, эти вопросы мы рассмотрим именно в таком порядке. Далее, поскольку стратегия и внешняя политика неразрывно связаны друг с другом, я постараюсь дать совместную оценку этим сторонам римской политики, оставив напоследок те вопросы, которые многие находят наиболее интересными, – это, собственно, полководческое искусство и руководство армией на поле боя. Период римской истории, который составляет предмет нашего изучения, ограничен битвой при Акции, которая может считаться концом

истории Римской республики и одновременно отправной точкой истории Римской империи. Август впоследствии перестроил военную машину Рима, приспособил ее к новым географическим условиям и поставил перед Римским государством новые политические задачи. Эти реформы оказали значительное влияние, если не переменяли совершенно сам характер римского военного искусства. Ограничение рассматриваемого периода поэтому, хотя и продиктовано практическими соображениями, поскольку объем лекций не позволяет рассмотреть весь ход римской истории, не является произвольным или надуманным.

Греческий гений – здесь я не подразумеваю македонян – проявлялся в основном в мирных, гражданских делах. Помимо наемников, лишь немногие из греков становились профессиональными солдатами. В Спарте, для которой война всегда стояла на первом месте, была создана армия, не имевшая себе равных во всей Элладе в течение двухсот лет. В целом же греки привнесли в тактику и военную технику больше инноваций, чем римляне. Однако последние лучше умели пользоваться плодами своих побед и оказались намного дальновиднее и выносливее в военных вопросах. Битвы иногда выигрывают полководцы, но войны почти всегда выигрывают солдаты. Если Риму иногда и хватало по-настоящему талантливых военачальников, то уж, во всяком случае, он всегда имел в избытке хороших солдат. Рим старался вести войну так, чтобы по максимуму использовать те преимущества, которыми обладал. Римлянин рождался, будучи уже наполовину солдатом, а тренировки и служба в армии давали ему недостающую часть. Война для него была не увлекательным приключением, а тяжелой работой, и самого себя он воспринимал как своего рода инструмент для этой работы. Развитие римского военного искусства никогда не шло широкими семимильными шагами, оно продвигалось неторопливо и поступательно, впрочем всегда достигая своих целей. Однако, как бы то ни было, первым делом мы должны разобраться в том, какими солдатами были римляне, что в их характере имелось уже от природы, а что определялось воспитанием и дисциплиной римской армии.

С самого начала истории республики ее армия состояла из легионов. В пехоте служили в соответствии со своим имущественным положением обычные римские граждане, а сравнительно немногочисленная кавалерия комплектовалась из представителей высших слоев общества. Армией командовал один или оба консула года, если только крайняя опасность не заставляла избрать диктатора, чьим заместителем становился магистр конницы (*Magister equitum*. – *Пер.*). Военная служба была для римских граждан одновременно и привилегией, и долгом, поскольку большую часть армии составляли землевладельцы и свободные крестьяне. Организация армии постепенно совершенствовалась, и со временем молодые воины, способные выносить тяготы долгой военной кампании, были отделены от тех, кто был в состоянии лишь защищать стены самого города. Борьба патрициев и плебеев в конечном итоге привела к дальнейшей консолидации всех военных средств государства. Командование на войне перестало быть монополией патрициев, а политические привилегии вместе с обязанностью нести военную службу теперь были равномернее распределены между всеми сословиями римского общества. Временные политические разногласия, военные мятежи, столкновения экономических интересов и борьба за привилегии, конечно, еще не раз вызывали в Риме настоящий политический кризис. Но это не должно вводить нас в заблуждение – амбиции и обиды всегда в конечном счете отступали перед главным принципом римского общества – *Salus populi – suprema lex* («Благо народа – высший закон». – *Пер.*).

О ранних войнах, которые Рим вел в союзе со своими родичами латинами, нам известно немного. Впрочем, мы можем с уверенностью предположить, что, по примеру этрусков, римские пехотинцы выстраивали на поле боя фалангу¹. Главными задачами римлян оставались оборона окрестных плодородных равнин, отражение набегов этрусков и жителей

¹ *Meyer E. Kleine Schriften. II. P. 231–232.*

окрестных гор. Преимущество римлян перед их ближайшими соседями заключалось главным образом в дальновидности и методичности, которые они проявляли в развитии военного дела. Когда возникла необходимость вести долгие боевые действия, римляне ввели плату за военную службу, хотя их легионы по-прежнему оставались всего лишь ополчением граждан и мало чем отличались в этом отношении от армий их соседей. Затем, в начале IV века до н. э., случилась катастрофа при Аллии, когда воинственные галлы, легко рассеяв римских ополченцев, едва не уничтожили само Римское государство. Когда гроза миновала, республика приложила немало усилий, чтобы восстановить и преумножить свою военную мощь. Спустя всего два поколения после этой катастрофы римляне создали армию, которой оказалось по силам завоевать господство в Центральной Италии. К тому моменту, как это господство было установлено, Риму уже нечему было учиться у своих галльских и итальянских врагов, характер римской армии и собственно римского солдата уже вполне сформировался.

Сейчас я вынужден коснуться вопроса, который всегда вызывал немало споров и дискуссий². Вопрос этот состоит в том, как именно действовали в бою легионы Римской республики, учитывая, что к тому моменту они уже состояли из отдельных манипул численностью 120 человек. Ответ на этот вопрос весьма важен для нас, поскольку он проливает дополнительный свет на характер римского солдата того периода. Чтобы разобраться в этом, мы должны сначала обратиться к изучению работ Полибия и Ливия³. Однако главы, посвященные сражениям, содержат слишком мало подробностей, поэтому постараемся реконструировать ход событий на основе тех данных, которыми мы все же располагаем. Начинали битву легковооруженные застрельщики – *велиты*, чьей задачей было прикрыть продвижение тяжелой пехоты, составлявшей основу боевой силы легиона. Первую линию пехоты формировали *гастаты*, чье название происходит от метательного копья *гасты*, которое, впрочем, уже вышло из употребления к тому моменту. Во второй линии стояли *принципы*, а воины третьей линии именовались *триариями*. Первые две линии несли мечи и один или два *пиллума* — довольно тяжелых метательных копья, которые легионеры могли бросать на расстояние до 30 ярдов. Триарии вооружались мечом и копьем, но не несли пиллумов. На этом, по сути, и заканчивается то, что мы знаем доподлинно, и начинаются предположения и гипотезы. В целом между исследователями существует согласие относительно того, что манипулы перед боем выстраивались в шахматном порядке таким образом, что между соседними подразделениями в линии имелся интервал, равный по ширине самой манипуле. Интервал этот прикрывался манипулой, следовавшей во второй линии, и т. д. Манипулы первых двух линий могли при необходимости сомкнуть строй или отступить назад через интервалы в третьей линии, в которой шли наиболее опытные воины – триарии. Последние же в таком случае, пропустив назад гастатов и принципов, выстраивали перед неприятелем сплошную стену копий. Так, по крайней мере, все должно было выглядеть в теории. Однако как развивались события в сражении в реальных условиях, остается для нас загадкой.

Если события развивались по описанному выше сценарию, то манипулы должны были наступать, поддерживая установленные между ними интервалы. Противник же, как правило, строился в одну линию, поскольку для большинства армий древности это было обычным построением. Таким образом, в начальный момент лишь часть линии неприятеля вступала в действие. Если противником были галлы, обычно атаковавшие лавиной, то наступающий неприятель, разумеется, проникал в промежутки между манипулами первой линии, но задерживался следовавшими позади манипулами второй линии. Если же легион атаковал фалангу, то фалангиты не могли продвинуться в интервалы между манипулами, не сломав

² Полемика, связанная с этим вопросом, освещается в Delbrück H. Geschichte der Kriegskunst. I. P. 349, 443, 436, 457; Meyer E. Op. cit. P. 198 ff.

³ Livy. VIII. 8.

собственного строя, в котором, собственно, и заключалось их главное преимущество, и не подставившись под мечи римлян. Легион, таким образом, довольно легко приспосабливался к условиям конкретной битвы. Атаку римлян начинали гастаты, которые, бросая с короткой дистанции свои пиллумы, в критический момент вынуждали неприятеля смешать строй. Стоунуолл Джексон писал: «Перед боем лучше всего сберечь метательные снаряды до тех пор, пока противник не приблизится на короткую дистанцию. Затем произвести один смертоносный залп и броситься в атаку».

Затем в дело вступали мечи. Воины, стоявшие в задних шеренгах, сменяли погибших или уставших. Вторая линия затем, вступая в бой, придавала новые силы натиску римлян. Если противник превосходил числом и начинал одолевать, римляне начинали медленно отступать, прикрываемые воинами первых рядов. Первые две линии, теперь уже смешавшиеся в одну, доходили до строя триариев, которые до тех пор лишь наблюдали за ходом битвы. Затем, по сигналу легионных труб, гастаты и принципы быстро проходили сквозь линию триариев, возможно жертвуя при этом первыми рядами воинов, которые, сколько могли, задерживали неприятеля и давали этим время своим товарищам организованно отступить. Триарии должны были за короткий промежуток времени расступиться, чтобы пропустить гастатов и принципов, а затем снова сомкнуть ряды, образовав сплошную стену копий на пути неприятеля. Враг, первые ряды которого уже были утомлены боем, теперь должен был сражаться с опытными и сохранившими свои силы солдатами, понимавшими к тому же, что они являются последней надеждой на победу для своей армии. Триарии были своего рода пережитком старой и уже вышедшей из употребления в Риме тактики – а именно фаланги. Римляне сохранили его, чтобы дополнить и придать устойчивость войскам нового типа. Глубина построения триариев была всего три шеренги, к тому же стоявших не вплотную друг к другу, чтобы иметь возможность пользоваться мечами. Так что все решала их стойкость, хотя мы можем предположить, что гастаты и принципы старались по мере возможного поддерживать триариев.

Такая тактика, конечно, не могла гарантировать победу в бою, но она позволяла в полной мере использовать сильные стороны в подготовке римских легионеров. В случае победы она сохраняла силы триариев, наиболее опытных солдат, которые к тому же, как правило, являлись главами многочисленных семейств, и гибель их имела не только военные, но и социальные последствия.

В случае же поражения такая тактика давала уцелевшим гастатам и принципам хорошие шансы на спасение. Взамен от солдат требовались присущие традиционному римскому характеру личные качества – стойкость, уверенность, умение беспрекословно повиноваться приказам. Поскольку италийские союзники Рима использовали ту же тактику, от их солдат требовались ровно те же качества, что и от римских легионеров. Поражения римлян, как правило, происходили в тех случаях, когда битва начиналась неожиданно в результате случайной встречи с неприятелем и римляне не могли в полной мере использовать преимущества своей тактики, или же тогда, когда плохо подготовленные войска не могли реализовать ее на практике. Исключения составляли главным образом те сражения, в которых причиной поражения римской армии был исключительный талант противника, как, например, в случае с Ганнибалом. В рассматриваемый период разведка в римской армии была поставлена довольно плохо, и есть немало примеров, когда римляне бывали вынуждены сражаться на такой местности, которая сама по себе не годилась для применения легионной тактики, и им приходилось вести бой на условиях неприятеля. Но в данном случае для меня важнее всего понять, как сочеталась такая тактика боя с характером римлян и италиков, характером, превратившим их в лучших солдат Античности за вычетом разве что спартанцев. В случае, если ход битвы был неблагоприятен для римлян, они всегда могли отступить в заблаговременно сооружавшийся укрепленный лагерь, если только сражение не было результатом внезапной

встречи с неприятелем и к нему готовились заранее. Сам по себе римский полевой лагерь весьма примечателен по своему устройству и раскрывает немало особенностей римского военного искусства и характерных черт римского солдата.

Для начала я должен сказать несколько слов в защиту традиции ежедневного сооружения укрепленного лагеря для ночлега, обычая, подобного которому мы не видим ни в одной армии древности. Если скорость продвижения к цели имела решающее значение, то эта практика становилась серьезным замедляющим фактором, поскольку на собственно движение отводилась лишь первая часть дня, середина его уходила на сооружение лагеря, а вечер посвящался отдыху от дневной работы. Чтобы несколько смягчить впечатление от крайней нерациональности такого распорядка дня, я должен заметить, что римское военное искусство того периода вообще не придавало скорости переброски армий большого значения. Греки тоже старались устраивать походные лагеря, используя такие места, где сама природа создавала естественные укрепления и служила им защитой, однако на поиски таких мест также уходило немало времени. Кроме того, недавние раскопки профессора Шультена в Испании показали, что и римляне стремились использовать особенности рельефа местности при постройке своих лагерей⁴. Однако, что действительно важно для нас, так это в полной мере проявившееся в этой традиции стремление римлян к точности и порядку. Есть и еще один важный фактор. В Полевых уставах армий Англии, Франции, Германии, России есть одно общее положение – даже в самых неподходящих условиях размещать войска по квартирам считалось лучше, чем оставлять их в полевом лагере. Во время Франко-прусской войны, например, обе стороны вполне сознательно шли на риск размещения армий по квартирам⁵. Главной причиной такой практики служила забота о сохранении боевого духа армии, а ощущение комфорта и спокойствия у солдат во время затишья в боевых действиях исключительно важно в этом отношении. С другой стороны, находясь в полевом лагере, армия сосредоточена в одном месте и готова к немедленным действиям. Римский укрепленный лагерь сочетал в себе все эти преимущества. Армия оставалась собранной и готовой к немедленному выдвиганию, а между стенами лагеря и палатками легионеров, по свидетельству Полибия⁶, оставлялось значительное пространство, так что стрелы неприятеля не могли поражать их. Такой распорядок, быть может, в какой-то степени подавлял личную инициативу, зато лагерь давал солдатам ощущение безопасности, а заодно и помогал поддерживать в армии дисциплину.

Часы, следовавшие за завершением строительства лагеря, посвящались отдыху. Римляне старались отдыхать не только телом, но и душой⁷. Сейчас, разумеется, уже трудно реконструировать психологический портрет обычного римлянина или италика времен республики. Надо полагать, что присущие многим современным жителям Италии черты, такие как, например, повышенная эмоциональность, присутствовали и у них. Даже среди аристократии было не принято сохранять спокойствие и невозмутимость в обществе. Но в военных вопросах римляне сохраняли завидную выдержку и хладнокровие. Возможно, им временами и не доставало способности к импровизации, но применительно к тактике действия легионов требовался именно такой характер. Тактика римской армии, как мы уже видели, предусматривала отступление наравне с атакой. Римляне старались оберегать солдат от избыточного нервного напряжения настолько долго, насколько это было возможно, и укрепленный лагерь был прекрасным средством для этого. С другой стороны, лагерь представлял собой и скрытую опасность, поскольку внушал гостям и принципам мысль о том, что им есть

⁴ Schulten A. / The Cambridge Ancient History. VIII. P. 318.

⁵ Altham E. The Principles of War. P. 410–411.

⁶ Polybius. VI. 31, 14.

⁷ Fischer W. Das römische Lager. P. 134 ff.

куда отступать, и, возможно, был своего рода расчет в том, что третья линия войск – триарии – помещалась между лагерем и ими, поскольку опытные и подготовленные триарии поддались бы панике в последнюю очередь.

Практика сооружения укрепленных лагерей подчеркивает и еще одну характеристику римской армии – упорство в бою и нежелание мириться с поражением. Греческие армии классического периода стойко сражались до тех пор, пока одна из противоборствующих сторон не начинала сдавать свои позиции. Когда наступал этот момент⁸, порядок слабейшей армии нарушался, и начиналось повальное бегство. Римская армия редко отступала столь же поспешно и обычно старалась продолжать сражение до тех пор, пока это было вообще возможно. Если верить в правдоподобность описаний сражений, приводимых античными авторами, отступление римлян крайне редко превращалось для них в окончательное поражение.

Когда римская армия терпела поражения, причину их обычно искали в недостатке дисциплины и стойкости у солдат. Способнейшие из римских военачальников отказывались вести в бой армию до тех пор, пока прежний порядок, основанный на жесткой, если не сказать жестокой, дисциплине, не был восстановлен. В большинстве армий в одних и тех же подразделениях служили люди с весьма разным уровнем подготовки и опыта. С началом войны части первой линии пополняются как резервистами, так и новобранцами, что позволяет получать в среднем достаточно хорошо подготовленные соединения. Насколько мы можем судить, республика прилагала немало усилий, по крайней мере в собственно римской части армии, чтобы большая часть личного состава каждого легиона была примерно равноценна по опыту и возрасту. На лицо было явное нежелание ослаблять боевую ценность и однородность опытных и обученных подразделений с тем, чтобы усилить менее подготовленные. Были ли попытки применить такую же практику к контингентам союзников – сказать трудно⁹. Но поскольку римская тактика боя требовала определенной подготовки от легионеров, а союзные подразделения действовали совместно с легионами, можно предположить, что методы их комплектования были весьма сходны с римскими¹⁰. С другой стороны, по крайней мере начиная со времени Второй Пунической войны уже существовала целая прослойка людей, сделавших военную службу своей профессией. Именно из их среды выходило большинство центурионов римской армии, составлявших становой хребет легиона¹¹.

Теперь рассмотрим другой, не менее важный, вопрос – социальный состав римской армии. Английская армия XVIII века состояла из профессиональных солдат, которыми командовали офицеры благородного происхождения¹². Рядовые, капралы и сержанты происходили из одного сословия, офицеры же, начиная с самых младших званий, принадлежали к совершенно другим слоям общества. Любыми, даже самыми небольшими подразделениями, способными действовать самостоятельно, командовали молодые офицеры благородного происхождения, а человек, поступивший на службу рядовым, но прошедший уже, быть может, двадцать кампаний, все равно оставался его подчиненным. На самом деле механизм этот вполне исправно работал и в армии, в которой столь щепетильно относились к классовым различиям, он даже способствовал формированию и поддержанию некоего командного духа. В римской армии процент аристократов среди офицеров был сравнительно невелик. К высшим слоям общества принадлежали разве что командующие легионом или несколько военных трибунов (*tribunus militum*). Военный трибун мог командовать отрядом

⁸ *Aeschylus. Agamemnon*. 1236.

⁹ *Polybius*. VI. 21, 4–5.

¹⁰ *Ibid.* XVIII. 28, 10.

¹¹ *Livy*. XLII. 34.

¹² *Delbrück H.* Op. cit. I. P. 464.

солдат, отправленных с каким-либо особым поручением, но, когда легион вступал в сражение, командование поручалось наиболее опытным легионерам, принадлежавшим к разряду рядовых. Молодые римские аристократы, как правило, начинали службу в кавалерии, а не в легионах и достигали командных постов, как правило, в уже довольно зрелом возрасте. Аристократы в римской армии становились полководцами или штабными офицерами, но редко командовали полевыми подразделениями. Таким образом, то, что имело наибольшее значение для римского ведения боя, – грамотное проведение тактики, – оставлялось в руках людей, которые принадлежали по своему положению к разряду обычных солдат, жили вместе с солдатами, находились в рамках той же строгой дисциплины, но которые были опытны, храбры и выносливы на поле боя. Легионер носил в своем походном ранце не маршальский жезл, но стимул центуриона¹³, который, пожалуй, больше побуждал его к усердию и, при необходимости, оставлял на спинах солдат наглядные свидетельства власти этого центуриона. Следует помнить, что вплоть до последнего столетия существования республики легионеры набирались среди свободных крестьян, которые принадлежали скорее к среднему классу, чем к низшим слоям римского общества. Они получали шанс сделать военную карьеру, обрести прочное материальное положение и заслужить уважение представителей своего класса. Полибий так отзывался о центурионах республиканской армии: «От центурионов римляне требуют не столько смелости и отваги, сколько умения командовать, а также стойкости и душевной твердости, дабы они не кидались без нужды на врага и не начинали сражения, но умели бы выдерживать натиск одолевающего противника и оставаться на месте до последнего издыхания»¹⁴.

Несмотря на все сказанное выше о центурионах, республиканская армия оставалась в основной своей массе непрофессиональной. Легионы собирались лишь на короткое время, а в силу того, что основную часть легионеров составляли свободные крестьяне, они, разумеется, всегда стремились как можно скорее вернуться к своим хозяйствам. Армии италийских союзников Рима комплектовались, вероятно, по такому же принципу, причем срок, на который призывались на службу италики, превышал таковой для римских граждан. Если войска долгое время оставались в одном регионе и под началом одного полководца, как, например, было в Испании под командованием Сципиона Африканского, появлялась возможность тщательнее обучить легионеров тактическим приемам и взаимодействию в бою. Однако за все следующее столетие мы не видим ни одного подобного примера, поскольку специфические условия для такого положения более не повторялись. Центурионы и солдаты, сделавшие военную службу своим ремеслом, обеспечивали некоторый процент профессионалов, однако вплоть до конца II века до н. э. этот процент был не слишком велик. Проследим теперь за тем, как изменился облик римского солдата, когда армия Рима сделалась целиком профессиональной.

Когда Марий в конце II века до н. э. отменил суровые имущественные цензы для подлежащих призыву граждан, он получил солдат, для которых не было другого будущего, кроме службы в армии, и именно с этого момента служба в римском легионе стала профессиональной. Дополнительным фактором, укреплявшим преданность солдат, была общность интересов, возникшая в то время между ними и их полководцами. Римское государство снимало с себя всякую ответственность за ветерана, после того как его служба в легионе подходила к концу. Легионер, таким образом, смотрел на своего полководца как на единственный шанс, дослужившись до пенсии, получить при выходе в отставку полагавшиеся ему денежную премию и земельный участок¹⁵. Об этом факторе, игравшем важную роль в последние десяти-

¹³ Tacitus. Annals. I. 23, 4.

¹⁴ Polybius. VI. 24, 9.

¹⁵ Last H. / C.A.H. IX. P. 136; Parker H.M.D. The Roman Legions. P. 26.

тилетия республики, я подробнее расскажу в лекции, посвященной полководческому искусству.

Еще одним изменением, оказавшим существенное влияние на характер римского солдата, было появление в составе легиона когорт – подразделений примерно эквивалентных батальону. Процесс этот начался еще во времена Сципиона Африканского, но завершился лишь ко времени реформ Мария¹⁶. Образование когорт расширило возможности легиона, сделав его в конечном счете более универсальным и независимым подразделением. Вместе с тем возросли требования к боевой подготовке легионеров, от которых теперь требовались не только боевые навыки, но и навыки строителя и даже ремесленника. Эти изменения сделали легионера профессиональнее, теснее связали его с полководцем и сделали его зависимым от навыков и подготовки его непосредственного командира – центуриона. Насколько перемены отразились и на союзниках Рима италиках, судить довольно трудно, но они, несомненно, должны были оказать какое-то влияние на них. Однако, когда миновал кризис, вызванный Союзнической войной в начале I века до н. э., римская пехота стала абсолютно однородной по своему составу, и войска союзников теперь ничем не отличались от собственно римских легионов. Римская армия стала профессиональной и была теперь предана в большей степени своим полководцам, чем своему правительству. Эта армия сохранила свой итало-римский характер, чувство собственного превосходства по отношению к наемным армиям соседних государств, сохраняла стойкость и дисциплину, по крайней мере до тех пор, пока верила в своего полководца. Центурионы по-прежнему мечтали о жизни зажиточного гражданина после отставки, хотя они всегда были готовы вновь стать под знамена по призыву именитого военачальника. Прекрасно подготовленные войска поздней республики, возможно, были лучшими солдатами, которых когда-либо видел мир. Империя унаследовала военные традиции республики, и Август сумел привить этой армии твердую преданность принцепсу, а через него и самому Римскому государству.

До сих пор я старался описать лишь некоторые особенные отличительные качества римского солдата. Теперь я должен попробовать дать количественную оценку людским ресурсам Рима.

Уже во времена ранней республики численность населения Рима превосходила численность ближайших соседей римлян – латинов. Последние, в свою очередь, были, насколько можно судить по имеющимся скудным сведениям, более многочисленны, чем окружавшие их италийские народы¹⁷. Римляне поступили мудро, заключив союз со своими соседями герниками и латинами. Занимая положение между этрусками и латинами, Рим служил своего рода щитом для последних, чем обеспечивал их преданность новому альянсу. До тех пор пока римляне сохраняли внутреннее единство, их сил было достаточно для отражения внешних угроз и они могли не уклоняться от встречи со своими врагами. С другой стороны, потребность в частой мобилизации всех людских ресурсов государства в совокупности с тем, что каждый римлянин, призывавшийся на службу, мог сам видеть поле боя и гордиться силой своего отечества, заставляла патрициев быть сговорчивее, а плебеев лояльнее по отношению к властям республики и представителям высших слоев общества. Опасность со стороны этрусков уменьшилась, зато появилась новая угроза, на сей раз со стороны галлов. В этой ситуации соседи Рима, хотя и были уже обеспокоены его стремлением к доминированию в регионе, не решились бы перед лицом новой угрозы нанести им удар в спину. Дальновидной политикой Риму удалось искусно использовать самнитов в борьбе с латинами,

¹⁶ Last H. Ibid. P. 146–147.

¹⁷ Last H. / C.A.H. VII. P. 342.

а затем покончить уже с самими самнитами, заключив союз с латинами и другими италиками¹⁸.

Противостояние равнин и холмов завершилось установлением римского господства в Центральной Италии. Отчасти по воле случая, отчасти благодаря целенаправленной политике, Риму всякий раз удавалось обеспечивать себе численное преимущество на войне. Первая Пуническая война стоила жизни многим жителям Италии, но к тому моменту, когда Риму пришлось встретиться со своим главным врагом – Ганнибалом, он сохранял значительное преимущество в людской силе, а по завершении войны у Рима образовался значительный резерв хорошо обученных и прошедших школу реальной войны солдат. В следующие пятьдесят лет почти непрерывные войны на севере Италии и в Испании поставили перед республикой новые проблемы с потребностью в людской силе, и не все эти проблемы республика оказалась в состоянии своевременно решить. Римляне продолжали помогать противникам Филиппа Македонского и в том числе посылкой своих войск. Одним из важнейших принципов римской внешней политики было то, что Рим сам по себе должен как минимум не уступать по силе своим союзникам. На практике этот принцип, унаследованный затем и империей, означал, что военные силы Рима должны пропорционально увеличиваться по мере расширения государства и сферы римского влияния. Во II веке до н. э. этот принцип регулярно нарушался ввиду частого использования союзных италийских контингентов в войнах на удаленных театрах военных действий, поскольку италики и римляне в тот период не составляли еще единого целого в полном смысле. И когда недовольство италиков вылилось в Союзническую войну, Риму пришлось принять вынужденный компромисс, который превратил италиков в римлян, даровав им всю полноту прав, но вместе с тем этот шаг значительно увеличил число собственно римских граждан, это решение увеличило и военный потенциал Рима, что во многом и сделало возможным то небывалое ранее расширение сферы римского влияния, которое произошло в течение сорока лет после Союзнической войны. Хотя сама римская армия в значительной степени повинна в упадке старой республики, те же самые легионы обеспечили долгое существование Римской державы, а преимущественно западный характер легионов предопределил сохранение центра государства на западе империи.

Наконец, остается еще вопрос о том, какую значимость имели с точки зрения римлян те или иные рода войск. Войну на море и усилия, которые римляне предпринимали в этом отношении, мы рассмотрим в следующей лекции. Сейчас следует отметить, что, хотя в римской армии вплоть до конца II века до н. э. имелись значительные контингенты кавалерии, а союзники Рима выставляли еще большее число всадников, королевой на поле боя для римлян всегда оставалась пехота. Стремена были неизвестны в Античности, а без стремян всадник уподоблялся регулярно падавшему со своего коня Белому рыцарю из «Алисы в Зазеркалье». Этот недостаток так или иначе научились преодолевать, и в греческой истории есть прецеденты, когда сражения выигрывались за счет удачных действий кавалерии. Но римляне все же по своему характеру больше отдавали предпочтение пехоте, и кавалерия играла сугубо вспомогательную и второстепенную роль в сражениях римской армии. В Античности кавалерия, как правило, чаще пользовалась метательным оружием – дротиками, луками и т. д. Римляне попросту считали такое оружие недостаточно эффективным и, хотя некоторые римские полководцы – особенно Лабием – посвящали немало времени отработке взаимодействия пехоты и кавалерии, обычно всадников набирали вместе с пращниками и лучниками среди населения зависимых или покоренных Римом стран, там, где использование такого оружия было национальной традицией. Таким образом, основные черты характера римского солдата сохранялись неизменными, а легионы, особенно в своем реформированном виде в последние годы республики, были основой римской армии.

¹⁸ С.А.Н. VII. P. 589.

Рим стал ведущей военной силой во всем Средиземноморье, а его легионы доминировали на полях сражений. Исход многих войн был предопределен еще до их начала, и со временем военное преобладание Рима дало эффект поистине мирового масштаба. Если бы Рим, отказавшись от легионной тактики боя, больше полагался на пращников, лучников и кавалерию, это, пожалуй, дало бы странам, для которых эти виды оружия были традиционными, больше шансов выстоять. Цезарь, признанный мастер легионной тактики, одерживал победы над врагом, чьи армии были намного разнообразнее по своему составу. Империя унаследовала от республики армию, доминировавшую на полях сражений античного мира, и в становлении и укреплении империи во многом заслуга именно этой армии.

Глава 2

МОРЕ

Еще со времен Мэхэна историки спорят, как могло получиться, что римляне так недооценивали значение морской силы, ее способность влиять на ход событий вдалеке от берегов Италии. Нельзя, конечно, сказать, что из этого правила совершенно не было исключений. Сам Мэхэн отмечал, что во Второй Пунической войне именно преобладание римского флота на море оказало решающее влияние на ход боевых действий. Однако следует признать, что немало справедливого содержится и в тех упреках, которые адресовал римлянам Моммзен за их неспособность понять преимущества владения морем. Они скорее были готовы вообще уничтожить морскую мощь, чем воспользоваться ею. За весьма редкими исключениями, римляне воевали на море лишь тогда, когда обстоятельства вынуждали их к этому. Высокая оценка тех преимуществ, которые давало обладание морем, хорошо отражена у греческих авторов V века до н. э., но совершенно не видна в сочинениях римских историков. Для римлян, так же как, например, и для спартанцев, во все времена главным приоритетом оставалась армия, а не флот. Можно вспомнить, как во время атаки на афинян на пляжах Пилоса спартанский полководец Брасид призвал своих капитанов выбрасывать корабли на отмель, чтобы позволить гоплитам скорее вступить в дело¹⁹. В этом проявилась подлинная сущность спартанцев, стремившихся превратить морское сражение в подобие сухопутной битвы. Так же поступали и римляне. Согласно жизнеописаниям Плутарха, начальник одной из когорт заметил Антонию перед битвой при Акции: «Ах, император, ты больше не веришь этим шрамам и этому мечу и все упования свои возлагаешь на коварные бревна и доски! Пусть на море бьются египтяне и финикийцы, а нам дай землю, на которой мы привыкли стоять твердо, обеими ногами, и либо умирать, либо побеждать врага!»²⁰

На настоящий момент считается, что этот эпизод у Плутарха, скорее всего, выдумка самого автора. Однако, надо признать, он неплохо отражает взгляды, обычные для римских солдат того времени. Известен случай, когда по приказу Нерона часть подразделений легионов, стоявших в Германии, была переведена в Александрию, а затем отозвана обратно²¹. Морское путешествие, которое они при этом совершили, оказало крайне негативное воздействие не только на моральный дух, но даже и на самочувствие солдат. Для римлян море всегда оставалось коварной и непредсказуемой стихией, и даже когда оно было спокойно, они в любую минуту ждали от него подвоха. Море было своего рода сфинксом, который время от времени требовал ответа на свои загадки, но от решения которых римляне всегда стремились уклониться, если была такая возможность.

Римляне относились к морю примерно так же, как и спартанцы, которые поднимались на борт корабля лишь при крайней необходимости, когда уже не было другого выхода. В 264 году до н. э. один карфагенский адмирал утверждал, что римляне смогут омыть свои руки в море лишь в том случае, если он позволит им это сделать²². Спустя всего четыре года римляне одержали над карфагенянами свою первую морскую победу. Помпею принадлежит известный афоризм – *Navigare necesse est, vivere non est necesse*²³ («Плыть необходимо, жить нет необходимости». – *Пер.*). В «Записках об Александрийской войне»²⁴ приводится рассказ

¹⁹ *Thucydides*. IV. 11, 4.

²⁰ *Plutarch*. *Antonius*. 64, 3.

²¹ *Tacitus*. *Historiae*. I. 31; *Bellum Africum*. 34, 6.

²² *Cassius Dio*. XI. 43, 9; *Diodorus*. XXIII. 2.

²³ *Plutarch*. *Pompeius*. 50.

²⁴ *Bellum Alexandrinum*. 44–47.

о том, как офицер Цезаря – Ватиний – атаковал превосходящие силы Октавия, укомплектовав отставными ветеранами команды своих немногочисленных кораблей. «Хотя Ватиний видел, что ни величиной, ни числом своих судов он не может помериться с врагом, он предпочел пойти на риск, приняв сражение». Далее следует краткий рассказ о том, как Ватиний, сцепившись с флагманским кораблем неприятеля, сумел, уподобив таким образом морское сражение сухопутной битве, при помощи своих ветеранов одержать верх в абордажном бою. Наконец, не следует забывать и о том, что последнее великое сражение республики, определившее исход противостояния Октавиана и Антония, происходило на море вблизи мыса Акций.

Но, несмотря на отдельные исключения, римляне все-таки всегда старались одерживать победу в войне на суше. Можно даже сказать, что они стремились завоевать море на суше. В старые добрые времена англичане могли самодовольно отмечать, что Британии не требуются башни и бастионы для защиты берегов, и в полной мере ощущать на себе силу Королевского флота, оборонявшего эти берега. Римским эскадрам было не под силу оборонять берега Италии, однако республика стремилась решить эту задачу, размещая свои колонии таким образом, чтобы максимально затруднить неприятелю передвижения как вдоль побережья, так и в глубь полуострова. Если для греков море представляло собой открытую дорогу, то для римлян оно служило скорее барьером на пути к цели. Как правило, морские вопросы занимали далеко не первые места в расчетах римской стратегии.

При проведении своей внешней политики Римская республика в первую очередь заботилась о своих сухопутных границах. Вплоть до конца IV века до н. э. Рим почти совсем не интересовался морем и довольствовался тем немногим, что доставляла ему его слаборазвитая морская торговля. Изначально Рим владел лишь небольшим участком побережья, и, когда флот соседнего города Анций разграбил его, Рим не стал создавать собственный флот, а лишь вынудил Анций сдать свои корабли, чьи носовые украшения были поставлены на римском форуме. Ливий утверждает²⁵, что часть захваченных кораблей Анция была включена в состав римского флота, что, вполне возможно, и соответствует действительности, хотя прошло еще много лет, прежде чем в Риме был впервые утвержден институт *duoviri navales* (начальников флота, подчиненных непосредственно консулам года. – *Пер.*), каждый из которых командовал лишь небольшой эскадрой из десяти кораблей. В истории с Анцием²⁶ римляне избрали подход, которого придерживались потом не раз – вместо того, чтобы попытаться самим установить господство на море, они следили лишь за тем, чтобы никто из их соседей не создал флота, способного угрожать их интересам. Когда в 311 году до н. э. впервые назначили начальников флота, главной задачей, которую поставили перед ними, была поддержка сухопутных операций и обеспечение надежного сообщения с Кампанией. В течение следующих пятидесяти лет об их деятельности и вовсе ничего не было слышно. На основании этого можно предположить, что *duoviri navales* назначались только тогда, когда возникала необходимость в проведении какой-то конкретной операции на море²⁷. Пиррова война началась из-за незначительного конфликта, возникшего между Римом и Тарентом по поводу нарушения морского соглашения одним из римских консулов. Потерпев поражение на море, римляне попытались взять Тарент с суши, а когда на стороне Тарента выступил Пирр, заключили союз с Карфагеном, что позволило им использовать могущественный флот пунийцев и избавило от необходимости строить свой собственный флот.

До начала войны на Сицилии, являвшейся естественным продолжением Итальянского полуострова, республика не сталкивалась с серьезной необходимостью вести масштабные

²⁵ *Livy*. VIII. 14, 12.

²⁶ *Ibid.* 14, 8.

²⁷ *Mommsen*. Staatsrecht. II. P. 580.

действия на море. Теперь, когда Карфаген превратился из союзника во врага, Рим мог прочно установить контроль над островом только в том случае, если сумел бы обеспечить надежную связь со своими армиями на Сицилии по морю и одновременно максимально затруднить коммуникации неприятелю. Более того, добраться до вражеской столицы было возможно только по морю. Таким образом, по словам Полибия²⁸, римляне вынуждены были признать, что победа в этой войне будет возможна только в том случае, если Карфаген будет побежден на море и утратит контроль над ним. В конце концов республике пришлось мобилизовать все средства на создание военно-морских сил. Двадцать лет успехи чередовались с бедствиями, причем последние чаще происходили по причине штормов, чем непосредственно от действий неприятеля. Создание флота легло тяжелым бременем на население Италии, но в конце концов именно окончательная победа над карфагенским флотом решила обе основные задачи войны – карфагенские армии оказались заперты на Сицилии, а римляне смогли организовать вторжение в Африку, и Карфаген уже не имел шансов перегруппировать силы и отразить его, как он сделал за пятнадцать лет до этого.

Римский флот находился на службе у римской же армии, да и сам характер морской войны с ее случайностями, непредвиденными обстоятельствами и катастрофами был чужд римлянам. Энтузиазм, сопровождавший первые успехи на море, быстро угас. Своими ранними победами римляне во многом обязаны приспособлению (так называемый ворон (*лат. corvus* – «ворон»). – *Пер.*), которое позволило legionерам демонстрировать свои лучшие качества в abordажном бою, а учителями римлян в морском деле стали сами карфагеняне – *Fas est et ab hoste doceri* («учиться позволено и у врага». – *Пер.*).

Еще меньше римляне стремились заменить Карфаген в роли ведущей морской державы и превратить Западное Средиземноморье в *mare clausum* – внутреннее море. Они вполне удовлетворялись тем, что обезопасили от карфагенян моря, омывающие берега Италии. Рим при заключении мирного договора даже не стал оговаривать ограничения численности карфагенского флота, хотя нет сомнений в том, что всякая попытка возрождения морского могущества Карфагена была бы встречена Римом крайне враждебно. Количественные оценки морских операций Первой Пунической войны показывают, что флот Карфагена обыкновенно насчитывал около 130 боевых кораблей, но при необходимости мог выставлять и до 200. Когда возникла необходимость воевать на море, Рим легко превзошел врага, и к концу войны его морские силы численно далеко превосходили те 200 кораблей, которые имел в своем распоряжении Карфаген.

Ни разу за время Второй Пунической войны Рим не уступил врагу господства на море. За исключением отдельных удачных операций на море²⁹, Карфаген никогда не мог оспорить римского господства на море и даже не имел средств надежно обеспечить свои коммуникации или поддерживать связь со своими союзниками. Слабость морских сил Карфагена сделала Филиппа V, по существу, лишь пассивным наблюдателем в этой войне. Как указывает Мэхэн, именно господство римского флота в морях между Италией и Испанией затруднило снабжение армии Ганнибала. Карфаген не мог ни поддержать антиримское движение на Сицилии, ни даже быть уверенным в безопасности своих собственных берегов, в результате чего пребывал в постоянном страхе перед возможностью высадки римлян в самой Африке. В начале войны только неожиданное вторжение Ганнибала в Италию не позволило римлянам окончить войну одним ударом по карфагенской метрополии, зато, когда момент высадки Сципиона в Африке наконец настал, Рим мог уже не опасаться за свои морские коммуникации. И все же господство римлян на море не могло быть полным – карфагенские корабли почти без помех и риска встречи с превосходящими силами Рима могли достигать

²⁸ Polybius. I. 20.

²⁹ Rodgers W.L. Greek and Roman Naval Warfare. P. 319 ff.

союзных гаваней, что демонстрирует несколько ограниченные возможности морской силы в Античности.

Мирный договор, завершивший это долгое противостояние, обязывал Карфаген ограничить свой флот десятью боевыми кораблями. Римляне вообще стремились, кажется, только к тому, чтобы не допустить появления в Средиземном море флота, способного представлять для них угрозу. Им было на руку серьезнейшее ослабление македонского флота, произошедшее из-за нехватки средств на его строительство и содержание. Не вызывает сомнения, что именно начавшееся при Филиппе V возрождение флота Македонии стало одним из факторов, побудивших римлян начать с ним войну. Во время Второй Македонской войны и войны с Антиохом Рим прибегал к помощи союзных флотов Родоса и Пергама, однако сенат всегда зорко следил за тем, чтобы республика не слишком впадала в зависимость от таких союзников и чтобы флоты их не сделались сильными настолько, что стали бы представлять опасность уже для самого Рима³⁰. В течение первых десятилетий II века до н. э. Рим возродил институт *duoviri navales* и содержал в постоянной готовности небольшие эскадры, необходимые для действий против истрийских и лигурийских пиратов³¹.

Однако в целом римский флот все больше и больше приходил в упадок. Республика рассчитывала, что в случае большой морской войны сможет быстро нарастить свои морские силы и возродить флот, а содержать корабли в мирное время, когда большой потребности в них не было, считалось слишком накладным.

Эти изменения во взглядах римских политиков хорошо видны из мирных договоров с Македонией (197 до н. э.) и Сирией (188 до н. э.). Македонии согласно договору позволялось иметь лишь шесть боевых кораблей, а флот Сирии ограничивался десятью судами, причем им запрещалось покидать Восточное Средиземноморье. Египет сохранил свои морские силы, но теперь его флот был лишь тенью великих флотов III века до н. э. и не представлял почти никакой угрозы для Рима. Римская политика в отношении флота, кажется, вообще сводилась лишь к тому, чтобы устранить саму необходимость в нем.

Рим в итоге так и не создал своей талассократии и не выработал никакой долгосрочной политики в отношении моря. Эти функции во многом взял на себя союзник Рима – Родос, и в конечном счете именно это и подорвало его силы. К концу II века до н. э. Восточное Средиземноморье наводнили пираты, представлявшие для республики угрозу, которую она тем не менее не спешила устранять, хотя и имела к тому все необходимые средства³². К самому концу II века до н. э. относятся свидетельства о том, что римляне потребовали от зависимых государств в Восточном Средиземноморье закрыть пиратам доступ в их гавани. Возможно, эти действия представляли собой часть масштабной операции, спровоцированной политическими неурядицами в самом Риме, однако они хорошо отражают основную линию римской политики – безопасность на море должна достигаться контролем за побережьями.

Сама по себе эта концепция была уже не нова. Например, еще во второй половине III века до н. э., когда иллирийские пираты стали причинять значительный урон италийской торговле на Адриатике, Рим в ответ предпринял масштабную военную экспедицию и установил протекторат над иллирийским побережьем. Со временем на берегах Италии возникало все больше приморских колоний Рима, которые служили защитой от набегов, помогая одновременно бороться с контрабандой. Посланная против лигурийских пиратов эскадра добилась победы и на море и уничтожила их корабли, однако римляне продолжали преследовать пиратов и на суше, чтобы добить или захватить в плен бежавших и лишить их воз-

³⁰ Бенеске P.V.M. / С.А.Н. VIII. P. 263.

³¹ Livy. XL. 18, 7. 26, 8. 28, 7, 42, 8; XLI. 1, 2 ff.

³² Ormerod H.A. Piracy in the Ancient World. P. 187.

возможности заниматься своим преступным промыслом³³. Рим конфисковал после завершения войны корабли иллирийских союзников македонского царя Персея³⁴, а затем предпринял еще серию военных экспедиций в Далмацию, которые отбили охоту конфликтовать с республикой у тамошних пиратов.

Однако нежелание сената увеличивать расходы на римские провинции возложило на союзнические флоты такую нагрузку, которую они уже не могли вынести. Неуклонно слабевшие эллинистические державы с трудом могли исполнять свои союзнические обязательства по отношению к Риму. В последнее столетие республики их флоты были уже весьма малочисленными, но даже их стало трудно собирать, когда в этом возникала необходимость. Когда Митридат бросил вызов Риму, флот его был далеко не столь велик, как можно было бы заключить исходя из сочинений античных авторов. Римские губернаторы мало что делали для того, чтобы собрать корабли для защиты своих провинций от пиратов, а саму республику от необходимости заново создавать флот во время Третьей войны с Митридатом спасло только то, что морской флот последнего был фактически распущен после заключения альянса с пиратами. Малые государства Средиземноморья тщетно ожидали спокойствия и установления на морях римского владычества, подобного тому, что существовало на суше.

В полную противоположность вялой и неэффективной политике на море, римский полководец Сервий провёл энергичные и весьма успешные сухопутные операции в Памфилии и Киликии – традиционных центрах средиземноморского пиратства. Против Крита, также служившего убежищем для пиратов, Рим действовал с меньшим успехом. Вообще, опасность, исходившая от пиратства, была наконец-то осознана и, если раньше Рим видел в пиратах лишь постоянный источник новых рабов, пополнявших рынки республики, то теперь размах их деятельности угрожал голодом Италии, зависевшей от поставок продовольствия по морю. Лукулл смог разбить Митридата и предпринял затем некоторые меры для восстановления союзных флотов. Однако обстоятельства требовали более масштабных и скоординированных мероприятий. Рим решил одним ударом покончить с пиратством. Был собран большой флот, который смог загнать пиратов в их гавани, и Рим довершил на суше то, что было начато на море. Помпей раньше других понял все преимущества комбинированных действий флота и армии. Он завершил начатое Лукуллом, а его успехи на востоке вместе с присоединением Крита и Киренаики позволили наконец Риму взять под полный контроль побережья Средиземного моря. В самом Средиземноморье, как уже упоминалось, к тому моменту, помимо самой республики, только союзный Риму Египет располагал сколько-нибудь существенными морскими силами.

Сейчас уже невозможно точно установить, сколько именно кораблей было построено для Помпея, однако к началу гражданской войны морские силы Рима в Средиземном море были представлены главным образом кораблями союзных флотов. Некоторое количество боевых судов было построено Цезарем во время войны в Галлии и для высадки в Британии. К тому моменту, когда Цезарь установил контроль над Италией, его морские силы по численности достигали примерно половины от того, что имели его противники. Подобно тому, как исчез персидский флот, когда успехи Александра лишили его гаваней, Цезарь своими победами на суше подорвал морскую мощь своих противников. Такой характер действий был во многом вынужденным, однако примечательно, что величайший полководец Рима даже не пытался установить подлинный контроль над морем и был принужден полагаться на удачу, храбрость и стойкость своих войск, чтобы хоть чем-то компенсировать стратегические слабости такого положения. Перед решающей битвой при Фарсале адмирал Помпея Бибул имел под своим началом от 200 до 300 боевых кораблей против немногочисленных

³³ *Livy*. XL. 28, 7.

³⁴ *Ibid.* XLV. 43, 10.

кораблей Цезаря. Этот факт, впрочем, не помешал последнему успешно переправить семь легионов через Адриатическое море. Антоний вскоре перевез и остальную часть армии, хотя лишь случай, переменивший направление ветра, позволил ему избежать встречи с вражеским флотом, несомненно стоившей бы ему многих потерь. Как бы то ни было, в результате гражданских войн римское господство на Средиземном море лишь усилилось. После гибели Цезаря Секст Помпей постарался поставить под свой контроль Западное Средиземноморье и даже какое-то время угрожал голодом Италии. Флоты Восточного Средиземноморья в основном заняли сторону Кассия и Брута, и все же Октавиан и Антоний сумели одержать верх в битве при Филиппах и решить задачу снабжения крупнейшей сухопутной армии, которую Рим когда-либо выставлял на поле боя, невзирая на превосходство их противников на море. Антоний, получив после победы восточную половину Римского мира, был готов обменять свои корабли на легионы Октавиана, и именно эти корабли вместе с новым римским флотом, построенным Агриппой, в конце концов помогли разбить Секста Помпея. Когда триумвиры превратились из союзников во врагов, Антоний, опираясь на экономическое могущество Египта, сумел создать громадный флот, способный помериться силами с эскадрами Октавиана, и, по иронии судьбы, последняя великая битва Римской республики состоялась именно на море.

Тем не менее стратегия, кульминацией которой стала битва при Акции, была в большей степени сухопутной, нежели морской, и ее подлинные цели лежали на суше. Своей победой над Секстом Помпеем Агриппа был в значительной степени обязан большому размеру новых типов римских кораблей. Задачей Антония было создать флот, по численности и размеру кораблей не уступавший флоту Агриппы, и, следует заметить, эту задачу ему вполне удалось решить. Со своими плохо подготовленными корабельными командами, Антоний видел свой главный шанс в том, чтобы заставить противника сражаться на своих условиях и превратить морское сражение в подобие сухопутной битвы. Он в большей степени полагался на свои полководческие таланты на земле и рассчитывал добиться преимущества в сухопутной битве, если только неприятель сам не даст ему шанса победить на море. Агриппа поставил Антония в такие условия, когда тот был вынужден сражаться на море, чтобы не проиграть дела на суше. Пользуясь пассивностью неприятельского флота, Агриппа полностью контролировал ход сражения, которое Антоний в конечном итоге проиграл безоговорочно. Флот не оправдал его надежд, а поражение на море предопределило и исход кампании на земле. Главное значение битвы при Акции состоит в том, что она позволила избежать повторения битвы при Филиппах.

После победы при Акции уже ничто не угрожало военному превосходству Октавиана. Политические же последствия этой битвы сейчас не должны нас волновать. Для нас важно лишь то, что никакая сила уже не могла угрожать безопасности Средиземного моря, превратившегося для империи в то, чем оно никогда не было для республики, – *mare nostrum* (наше море. – *Пер.*). Черное море по-прежнему периодически требовало внимания Рима, но Средиземное на какое-то время стало даже безопаснее, чем во времена Помпея, очистившего его от пиратов. Трех, а впоследствии двух эскадр на западе в совокупности с незначительными разрозненными силами в Восточном Средиземноморье оказалось вполне достаточно для того, чтобы поддерживать безопасность судоходства. С присоединением Египта исчез и последний неримский флот в Средиземном море.

Вкратце изучив военно-морскую историю республики, мы можем теперь попробовать понять, почему Рим с его отрицательным отношением к морю вообще был столь удачлив в морских войнах. Во-первых, имеется несколько общих факторов, имеющих отношение к античному морскому искусству в целом³⁵. Корабли той эпохи были хрупкими и неповорот-

³⁵ С.А.Н. У. Р. 195.

ливыми. Условия самого Средиземного моря не способствовали плаванию под парусами, а парусный корабль сам по себе плохо подходил для главенствовавшей в то время таранной тактики и абсордажного боя и был уязвим для огня метательных машин, которые несли на себе тяжелые корабли обоих флотов при Акции.

Поскольку корабли были хрупкими и недостаточно мореходными, они были вынуждены держаться вблизи берегов и укрываться в гаванях во время бурь и штормов на море, а такой характер их движения в сочетании с невысокой скоростью самих кораблей делал перемещение флотов чрезвычайно медленным. Корабли, предназначенные для нанесения таранного удара, требовали большого числа гребцов, чтобы иметь перед ударом достаточные скорость и импульс. При переброске армий по морю на кораблях размещалось столько воинов, что даже возросшие размеры самих кораблей не позволяли размещать их с удобством. Таким образом, корабли не могли принимать на борт достаточное для долгого пребывания в море количества пищи и воды. Древние флоты не могли действовать на большом удалении от берега. К примеру, когда Ганнибал овладел Тарентом в Южной Италии, то римляне не смогли долго поддерживать морскую блокаду города, поскольку карфагеняне лишили их возможности пользоваться окрестными гаванями³⁶. Для тесной блокады требовались опорные пункты на берегу или близлежащих островах, дальняя же блокада была почти неосуществима, поскольку корабли того времени не могли долго оставаться в море. При попутном ветре транспортные и торговые корабли вполне могли обгонять галеры. Медленные и неповоротливые тяжелые корабли не могли перехватить их. Для хрупкой триремы попытка таранить прочный корпус транспорта могла закончиться весьма плачевно, а число воинов на ней было недостаточно для абсордажного боя и тем более для выделения призовой команды на захваченное судно. Морские битвы не приносили даже пленников, которые могли быть проданы в рабство. Трудности в навигации и управлении заставляли флоты держаться в плотном строю и тем еще больше сковывали их подвижность. С наступлением темноты видимость снижалась почти до нулевой, и шанс встретить неприятеля ночью был минимален. Насколько мне известно, во всей античной истории есть лишь один пример, когда армия была перехвачена в море на транспортах и уничтожена³⁷.

Не подлежит сомнению та выдающаяся роль, которую морская сила играла в политике и торговле Эгейского мира. В Западном же Средиземноморье морская мощь обеспечила Карфагену относительную безопасность в пределах Африки и преимущественное положение в торговле. В глазах римских политиков торговля не занимала столь важного места, зато слабые стороны античных флотов резко снижали их ценность по сравнению с легионами в качестве инструмента достижения победы. Во время войны морская мощь действует медленно и постепенно, зачастую война выигрывается на суше задолго до того, как эффект от действия морской силы может начать сказываться. В качестве примера уместно привести Франко-прусскую войну, в которой преобладание Франции на море никак не сказалось на исходе скоротечной войны на суше. В 1796 году Нельсон писал: «Мы, англичане, должны лишь сожалеть, что мы не всегда можем решать судьбу нашей империи на море». Римляне вряд ли согласились бы с ним. Мы должны иметь в виду, что флоты того времени, составленные из гребных судов, были независимы от ветра. Главным ограничением для их подвижности была усталость гребцов. Как писал Мэхэн, «принципы, определяющие ход крупных морских операций, одинаковы и применимы ко всем эпохам, что следует из истории. Однако возможность их проведения независимо от погоды была достигнута лишь недавно»³⁸.

³⁶ *Rodgers W.L.* Op. cit. P. 348.

³⁷ *Diodorus.* XX. 112.

³⁸ *Mahan A.T.* Influence of sea power upon history. 1660–1783. P. 22.

Сама эпоха в развитии кораблестроения, во время которой Рим впервые был вынужден вести серьезную войну на море, оказала значительное воздействие на отношение римлян к этой войне. До начала III века до н. э. основным боевым кораблем античных флотов оставалась быстроходная и маневренная трирема. Основным оружием триремы был таран, которым она пробивала борта вражеских судов или ломала их весла с целью лишить их подвижности. В IV веке до н. э. в составе флотов стали появляться квадриемы, представлявшие собой несколько увеличенную версию прежней триремы. Флоты эллинистических государств III века до н. э. отдавали предпочтение гораздо более крупным судам. В тот же период основным кораблем во всех флотах становится квинкверема, хотя сохраняются в некотором числе и более мелкие корабли. Карфаген в общем следовал в русле тех же тенденций, которые мы отмечаем во флотах эллинистических государств, и, когда Рим был вынужден вступить с Карфагеном в схватку за господство на море, ему пришлось выработать свой собственный, римский тип квинкверемы. Греческие города Италии, вероятно, продолжали использовать трирему в качестве основного боевого корабля, но римляне все-таки отдали предпочтение квинквереме. Экономический потенциал Италии вполне позволял строить такие корабли в большом количестве, к тому же они требовали значительно меньших навыков от гребцов и команды, лучше подходили для перевозки войск и в целом больше соответствовали римским представлениям о войне на море. Введение абордажного ворона – разновидности штурмового трапа с железными крюками или шипами, обеспечивавшими надежную сцепку судов, – было логическим продолжением этих представлений.

Введение в состав флота сравнительно тихоходных квинкверем и даже еще более крупных судов ограничило доступный набор тактических приемов и возможности для маневрирования во время боя, и лишь немногие флоты, за исключением родосского, последовали примеру римлян. Таким образом, развитие кораблестроения до некоторой степени избавило римлян от необходимости долгими тренировками совершенствовать свое мореходное искусство. Они стали больше полагаться на импровизацию, чем на бережно сохраняемые и поддерживаемые морские традиции. Римский флот, составленный из квинкверем, мог легко сломить сопротивление противника, корабли которого обычно уступали в размерах, а в абордажном бою решающим фактором становились уже опыт и стойкость римских легионеров. С другой стороны, такой флот был ограничен в своих тактических и стратегических возможностях ввиду сравнительно тихоходное™ его кораблей, и главной задачей римского флота, как правило, было скорее проложить дорогу легионам, чем устанавливать господство на море, сражаясь с неприятельскими эскадрами. Такой флот мог вполне успешно справляться с охраной и сопровождением конвоев и кораблей с продовольствием, шедших в Италию, для которой доставка провизии морем превратилась в жизненно важную необходимость. В целом римский флот всегда обслуживал интересы римской армии. Республика старалась меньше зависеть от моря и там, где это было возможно, перемещать свои армии по сухопутным дорогам. Римская морская политика достигла своей кульминации, когда Рим полностью подчинил себе берега Средиземного моря.

Глава 3

ЗЕМЛЯ

Римское военное искусство развивалось постепенно. Сколь бы воинственны ни были римские цари, но ранняя республика в большей степени была сосредоточена на обороне. Ливий в своих сочинениях пытается убедить читателя в том, что именно враждебное отношение к Риму со стороны соседей подтолкнуло его к завоеваниям. Однако следует помнить, что государствам свойственно легко убеждать даже самих себя в том, что именно они ведут справедливую войну, и мы вправе полагать, что ответственность за развязывание войн с соседями в равной степени лежала и на республике, хотя римские историки и пытаются убедить нас в обратном. Как бы то ни было, на первых порах Римская республика действительно не стремилась к завоеванию своих соседей. С герниками и латинами римляне даже заключили союз, а жившие к северу от Тибра этруски, невзирая на отсутствие у них политического единства, сами представляли угрозу республике. Угроза объединения этрусков была серьезной проблемой для Рима, поскольку в этом случае он мог быть отрезан от своих италийских союзников. Чтобы устранить ее, республика провела целую серию войн против своих соседей этрусков, и войны эти стали тяжелым испытанием на прочность для их недавно образовавшегося трехстороннего союза. Следует отметить, что Рим даже совместно со своими союзниками не превосходил в людских ресурсах своих неприятелей и что он не предпринимал никаких попыток завоевать горные области, занятые вольсками, а ограничивался лишь отражением их постоянных набегов. В начале IV века до н. э. Рим покорил этруский город Вейи и образовал, таким образом, буферную зону к северу от Тибра, служившую защитой для собственно римских территорий. Республика постепенно превращалась в гегемона внутри своего союза, который, после устранения угрозы со стороны вольсков и эквов, все больше превращался в инструмент собственно римской политики. Равнины Лация, казалось, были в полной безопасности, а этруски день ото дня становились все слабее. Тем не менее распространению римского влияния препятствовал тот факт, что свою армию Рим мог мобилизовать лишь на время короткой летней кампании. Эту проблему удалось решить введением платы за военную службу в тех случаях, когда, как, например, во время осады, военные операции затягивались на длительный срок.

Затем пришла новая и на сей раз действительно страшная угроза – вторжение галлов, которым почти удалось уничтожить само Римское государство. После того как волна галльского вторжения откатилась обратно на север и Рим сумел восстановить свою мощь, на повестку дня встал вопрос о расширении римского влияния на Апеннингах. Север полуострова к тому моменту занимали галлы, а в южной части была сильна конфедерация самнитских племен, стремившаяся расширить свои владения за счет примыкавших равнинных областей. Рим сумел оттянуть столкновение с самнитами, заключив с ними союз и направив их против своих прежних союзников латинов. Такой союз не мог, разумеется, быть долговечным, и спустя некоторое время началась череда военных конфликтов, получивших название Самнитских войн³⁹. Римская армия, хотя и многому научившаяся у галлов, все еще не могла эффективно действовать в горах, и римляне были вынуждены долгое время ограничиваться обороной равнин и блокадой горных проходов. В этой войне римляне, которые уже не раз использовали своих союзников в качестве своеобразного щита, в полной мере смогли оценить преимущества владения колониями и укрепленными пунктами, расположенными в стратегически выгодных местах. Оценили они и выгоду от хорошей дорожной сети, рас-

³⁹ С.А.Н. VII. Р. 595–596.

ходившейся из Рима. По своим дорогам римляне могли перебрасывать армии значительно оперативнее, чем это делали их враги. После сражения в Каудинском ущелье инициатива перешла в руки Рима, и его армии стали разорять исконные самнитские территории, причем, надо отметить, они стремились не столько занять города самнитов, сколько разрушить и опустошить их. Кроме того, римляне стремились изолировать своего неприятеля, для чего провели серию военных операций к югу и к северу от самнитских областей, а также заключили несколько союзов с соседними племенами. Самниты в ответ попытались соединиться с галлами на севере и пройти затем в Этрурию⁴⁰. Однако римляне смогли сконцентрировать большие силы в месте сбора неприятельских сил, и последовавшая затем битва при Сентинуме решила судьбу Центральной Италии. Римляне сполна воспользовались плодами своей победы, превратив захваченные земли в своего рода щит для самого Рима. Последовавшие затем военные действия позволили радикально решить вопрос с перенаселением в южной части полуострова и вынудить самнитов к бездействию, что в тех условиях было равносильно миру. К концу первого десятилетия III века до н. э. состав римского гражданства значительно увеличился за счет расширения избирательного права, а сам Рим усилился новыми союзниками в Италии. К тому моменту горы Апеннинского полуострова уже перестали представлять для римлян угрозу.

Со временем римской армии приходилось действовать все дальше и дальше от дома, что поставило на повестку дня важнейший вопрос о снабжении армии, находящейся в походе. В союзных Кампании и Лации это не представляло больших проблем, а к югу и востоку от Самния у республики также имелись союзники, обеспечивавшие продовольствием римские армии, действовавшие в этом регионе. В пределах Самния римляне действовали в соответствии с принципом, сформулированным Катонем Старшим, – *Bellum se ipsum alet* («Война кормит сама себя». – *Пер.*). Но и в этом случае Рим должен был по достоинству оценить преимущества, которые давала при доставке снабжения армии хорошая дорожная сеть. Речной транспорт в условиях Италии мало чем мог помочь в решении этой задачи, и у нас нет достаточных сведений, чтобы утверждать, что римляне сколько-нибудь активно использовали для снабжения армий морской транспорт, да и в любом случае сражения на суше происходили, как правило, на значительном удалении от берегов моря. Характер проводимых операций предопределил сравнительно небольшую численность армий, обычно насчитывавших два легиона – соединение достаточно большое, чтобы действовать самостоятельно, и вместе с тем его было еще сравнительно несложно снабжать на большом удалении от дома. Войнами с галлами и самнитами Рим к тому времени заслужил репутацию своего рода защитника цивилизации и культуры и, исходя из этого, вполне мог рассчитывать на поддержку греческих городов Южной Италии. Война с Тарентом и Пирром была скорее исключением из общего правила, хотя римские и латинские колонии мешали как эпискому царю, так и грекам. Однако борьба за господство на Сицилии во время Первой Пунической войны стала трудным испытанием для римской изобретательности как на суше, так и на море. Союз с Сиракузами и взятие Агригентума передали в руки республики ресурсы греческой Сицилии, однако упорное сопротивление карфагенян в западной части острова вынудило римлян организовать и поддерживать систему сухопутных конвоев, доставлявших снабжение сицилийским армиям, в чем римляне, надо отметить, вполне преуспели⁴¹. Африканскую экспедицию Регула снабжать было неизмеримо сложнее, и в результате полковина армии была отозвана в течение зимы, чтобы хоть как-то облегчить положение. Изгнание карфагенян из Сицилии и последовавшее вскоре присоединение Корсики и Сардинии снимали многие трудности в отношении снабжения армий, действующих в Африке. Вполне

⁴⁰ Ibid. P. 611 ff.

⁴¹ Frank T. / C.A.H. VII. P. 688.

возможно, что при аннексии этих островов римляне заранее имели в виду возможность того, что в будущем может снова возникнуть необходимость отправки армии в Африку.

В годы, предшествовавшие Второй Пунической войне, большую проблему для римлян представляли галлы, населявшие северную часть Апеннинского полуострова. Армии, действовавшие в этом регионе, находились слишком далеко от Рима, и их становилось крайне трудно снабжать на таком удалении от дома, поскольку доставлять грузы даже по реке По было весьма небезопасно. С другой стороны, страна была богата зерном, составлявшим основу рациона римских легионеров, и мы вполне можем предположить, что римляне устраивали склады зерна на удаленных базах снабжения. Во всяком случае, Ганнибал обнаружил такие склады, заполненные провизией, когда он вторгся в Северную Италию. Во время операций, завершившихся битвой при Треббии, Рим доказал свою способность снабжать одновременно две консульские армии, действующие совместно, для чего пришлось, правда, доставлять грузы по рекам Северной Италии. Стратегия Фламиния в следующем году объясняется стремлением разбить Ганнибала в решающем сражении объединенными силами обеих консульских армий, подобно тому как восемью годами ранее были разбиты при Теламоне галлы. Пока Фламиний гонялся по Италии за Ганнибалом, его коллега Сервилий готовил в Ариминуме свою армию к походу на юг. Вполне возможно, что своим поворотом на восток Ганнибал сознательно заманил Фламиния в ловушку. Римский полководец ухватился за возможность нанести врагу поражение, результатом чего стала битва при Тразименском озере, закончившаяся для римлян катастрофой. Римской обороны больше не существовало, и некому было помешать Ганнибалу двинуться на юг. Как бы то ни было, но даже и после сокрушительного поражения при Каннах римская диспозиция в Центральной Италии вполне себя оправдала. Опираясь на многочисленные города и крепости, брать или осаждать которые Ганнибал не имел достаточных сил, римские армии могли контролировать регион, даже не вступая в сражение. Когда Капуя, второй по величине город Италии, перешла на сторону Карфагена, римляне оказались вполне в состоянии провести успешную осаду и не поддаваться паническим настроениям. Более того, Карфаген не мог перебрасывать подкрепления своей армии из Цизальпинской Галлии, а блестящий бросок консула Гая Клавдия Нерона, успевшего присоединиться ко второй консульской армии Марка Ливия Салинатора перед сражением при Метавре, был возможен лишь благодаря тому, что римляне прочно контролировали центральное Адриатическое побережье Италии. Нисколько не принижая силу и достижения республики, следует отметить, что она в этой ситуации многим была обязана своей прошлой политике и успехам в Центральной Италии. Необходимость поддерживать снабжение армий в Испании и Сицилии, а затем и в Африке дала римлянам весьма полезный новый опыт в военном деле. На примере осады Сиракуз мы можем отметить, что римляне старались поддерживать на высоком уровне санитарные условия в расположении своих войск, что позволило им избежать чумы, от которой страдали союзники Сиракуз⁴². В Испании армии при продвижении вдоль берегов поддерживались с моря римским флотом, а в боевых действиях на Балканском полуострове римляне впервые использовали воинские контингенты своих заморских союзников.

В ходе Второй Пунической войны Рим вполне успешно справлялся с проблемами, возникавшими в хорошо знакомых ему регионах – в Италии к югу от реки По и на Сицилии. Испания же представляла собой новый и малознакомый римлянам театр военных действий. Рим сконцентрировался на приморских равнинах юго-востока Испании, которые составляли ядро карфагенских владений в Испании. Сами испанцы, особенно жители горных рай-

⁴² Вообще, в римской истории мало примеров распространявшихся в армии эпидемий, что свидетельствует о внимательном отношении римлян к этому вопросу. С другой стороны, в римской армии не существовало никакой специальной медицинской службы и лишь некоторых офицеров сопровождали в походах их личные врачи (*Suetonius. Div. Augustus II*).

онов страны, кажется, совершенно не вмешивались в борьбу Рима и Карфагена, предоставив их самим себе, хотя часть из них и служила наемниками в карфагенской армии. После победы Рим легко присоединил те территории, которые раньше принадлежали карфагенянам. Однако в следующем столетии Рим восстановил испанцев против себя, хотя временами сочетанием твердой руки с уступками местному населению и удавалось ненадолго принести мир в Испанию. Есть свидетельства, что для охраны дорог римляне устраивали укрепленные лагеря⁴³, но покорить нагорья им все-таки не удавалось. Рим потерпел несколько поражений, частью от недостатка разведывательных данных, частью по причине недостатка в дисциплине, усугубленного ошибками полководцев, прежде чем успехи, достигнутые Сципионом-младшим, не принесли относительного спокойствия. В следующем веке римский полководец Серторий доставил своему правительству немало проблем, по существу образовав в Испании независимое государство. Окончательное же покорение Испании – и прежде всего горных районов⁴⁴ – осталось на долю Августа.

Связь Рима с его новыми испанскими владениями зависела в основном от безопасности сухопутных дорог. В силу этого после окончания Второй Пунической войны Рим вынужден был в течение двух десятилетий заниматься покорением независимых альпийских племен и восстановлением власти и авторитета Рима в Северной Италии к югу от реки По, чтобы обеспечить себе надежное сообщение с Испанией. Описание этих событий у Ливия, хотя и содержит немало важных для нас подробностей, тем не менее не разъясняет основных положений римской стратегии. Впрочем, мы можем вполне обоснованно сделать вывод о том, что Рим главным образом стремился подчинить своему влиянию прибрежные и равнинные области, совершенно не интересуясь горными регионами. Основная часть Альп оставалась в руках их коренных обитателей, выполняя функцию дополнительной защиты для Рима на случай внезапного нападения более опасного неприятеля. Греческая Массилия, расположенная ровно посередине пути из Италии в Испанию, по-прежнему оставалась независимой, хотя теперь и была окружена со всех сторон римскими владениями. Прочие галльские племена Рим оставил в покое, заключив, правда, союз с наиболее сильным из южногалльских племен – эдуями.

На северо-восточном направлении Рим проявлял значительно меньшую активность. Аквилея, основанная в 181 году до н. э., служила для защиты восточной части долины реки По, а новые дороги позволяли быстро концентрировать армии в Северной Италии. Берега надежно охранялись от истрийских пиратов, а несколькими военными операциями в Далмации Рим продемонстрировал свою силу местным племенам, отбив у них охоту воевать с республикой. Но Рим не сделал даже попытки перейти за природный барьер в виде Динарского нагорья⁴⁵. Романизации Северной Италии, и без того достаточно медленной, мешало отсутствие четкой оборонительной системы в этом регионе. В конце столетия в Каринфию вторглись кимвры и тевтоны. После поражения, которое римляне потерпели при Норе, для захватчиков был открыт путь в Италию, но они вместо этого двинулись на запад. Здесь, в Нарбонской Галлии, история повторилась, и опять кимвры не сумели воспользоваться плодами своей победы. Марий, таким образом, получил время для обучения армии и подготовки обороны на западе. Когда же варвары наконец решились двинуться в Италию, то они разделили свои силы. Тевтоны отправились в Прованс, кимвры постарались достичь Ломбардии, а их новые союзники тигурины в это же время ударили с востока по Аквилее.

⁴³ *Schulten A.* / C.A.H. VIII. P. 313, 317.

⁴⁴ *Schulten A.* Sertorius. P. 107, 118 ff.

⁴⁵ *Syme R.* / C.A.H. X. P. 355.

Римляне грамотно использовали свои прекрасные дороги⁴⁶. Марий одержал крупную победу на западе, в то время как его коллега, консул Катулл, во многом благодаря удаче избежал поражения на равнине реки По. Сулла ожидал одновременно с этим атаки с востока, которая, к счастью, оказалась слабой. Марий смог затем быстро перебросить свою армию на север Италии и нанести решающее поражение кимврам, не позволив им перейти линию реки По. Цизальпинская Галлия была сохранена, чтобы стать затем важнейшим источником пополнений и новых рекрутов для римской армии. Италия была спасена от нашествия извне, но власть Рима на полуострове вскоре подверглась новому испытанию – не прошло и десяти лет, как вспыхнула Союзническая война. В северной половине Центральной Италии Марий сумел организовать оборону. Однако в южной части полуострова Риму пришлось иметь дело с теми же затруднениями, которые он испытывал во время Самнитских войн, и применять в конечном итоге практически те же методы борьбы, что и против самнитов. Северо-восточные области прочно удерживались римлянами, что не позволяло соединиться их врагам на юге и северо-западе, а успешная осада Аскулума по своему эффекту может быть сравнима с победой при Сентиуме⁴⁷. Победными, временами чередовавшимися с поражениями, и неохотными политическими уступками республика смогла в конце концов преодолеть и этот кризис.

Военные конфликты следующих десяти лет слабо освещены в источниках. Оборона Италии от Суллы, возвращавшегося с востока, была настолько ослаблена движением в его поддержку, начавшимся на севере полуострова, что последний смог беспрепятственно пройти из Брундизия в Кампанию. Затем, войной и уговорами, Сулла достиг ворот Рима и вошел в город. Но стать хозяином Рима еще не значило стать хозяином Италии. Центр военной активности сместился к северу – в Этрурию, Умбрию и Цизальпинскую Галлию. В Самнии еще оставались непримиримые враги Рима, решившие теперь воспользоваться моментом и отомстить Риму за прошлые обиды. Впрочем, самниты вскорости потерпели поражение, и это был последний всплеск их активности, после этих событий они окончательно сходят с исторической сцены. Разрушения в Этрурии и Умбрии не поддаются точному подсчету, но они были велики. С другой стороны, поселения ветеранов Суллы и Помпея, раскиданные по всему полуострову, давали значительный ресурс на случай мобилизации. Цезарь, быстро оценивший военный потенциал Цизальпинской Галлии, сумел быстро мобилизовать там войска, которые в противном случае могли присоединиться к Помпею, и с их помощью изгнать своего противника из Италии. Оба полководца быстро поняли, что обладание Римом было скорее призом победителю в этой войне, чем ее самоцелью. Военные действия, последовавшие за смертью Цезаря, развивались по тому же сценарию. Северная Италия с ее многочисленными поселениями ветеранов была жизненно важным регионом для обеих сторон.

Рассмотрим подобным же образом удаленные театры военных действий. Разрушение Карфагена позволило образовать в Северной Африке римскую провинцию, а присоединение территорий современного Туниса завершило ее создание. Однако сенат стремился переложить на зависимое Нумидийское царство задачу по защите этой провинции от кочевников с юга. Римляне не желали изменять свои методы ведения войны под условия Африканского театра военных действий и не желали брать на себя большую ответственность за оборону новых провинций до тех пор, пока внутренние неурядицы в нумидийском королевском доме буквально не вынудили их к этому. Но даже когда непомерные притязания Югурты заставили наконец римлян покончить с ним, сенат не пожелал присоединять к римской провинции его владения. Римляне долго медлили с присоединением Триполитании и предпочитали

⁴⁶ Last H. / C.A.H. IX. P. 148 ff.

⁴⁷ Gardner R. Ibid. P. 197.

сохранять зависимые марионеточные правительства на территории современного Марокко и западной части Алжира.

Теперь перенесемся на Балканский полуостров. Отчасти для защиты Адриатического моря от пиратов, отчасти для защиты от Македонии, Рим образовал протекторат на восточном берегу пролива Отранто⁴⁸. Морские порты, находящиеся в этом регионе, стали для Рима воротами на Балканы и облегчили ему задачу войны с Македонией, даже невзирая на те трудности, которые представляли территории, отделявшие римлян от их врага. Эти затруднения помешали многим римским полководцам, и лишь союз с греками позволил римлянам проводить эффективные операции против Македонии. С другой стороны, Рим старался не зависеть слишком сильно от своих союзников, и, когда война закончилась, римляне построили *Via Egnatia* – дорогу, соединившую Диррахий с Фессалониками и позволившую без затруднений перебрасывать армии в Эгейский регион. Однако уничтожение Македонского царства переложило на плечи римлян обязанности по защите греческих земель от северных варваров. Македония никогда не имела достаточно сил, чтобы подчинить своему влиянию территории, лежавшие между Эгейским морем и Дунаем. Рим имел достаточно средств, однако, не желая проводить масштабных мероприятий для обеспечения обороны своих новых владений, возложил эту задачу на губернаторов Македонии, которые должны были теперь решать, опираясь лишь на свои скромные силы. Когда во время войны с Митридатом последний стал пытаться наладить связи с племенами Нижнего Дуная, к ним с дипломатическими задачами был отправлен Марк Лукулл, брат консула Лукулла. У нас нет оснований сомневаться в словах Цицерона, утверждавшего, что границы Македонии заканчиваются там, где заканчивается сила римского оружия⁴⁹. Политики поздней республики должны были, конечно, хотя бы с географической точки зрения понимать, что Дунай является естественной оборонительной линией для Рима и что Рим должен закрепиться на этой линии. Но вместо этого республика уступила инициативу варварским племенам, чем обрекла себя на бесконечную войну на севере Балканского полуострова.

За Балканским полуостровом лежит Малая Азия, обладание которой открывало прямую дорогу в Сирию. В 133 году до н. э. Рим неожиданно получил плацдарм в регионе в виде Пергамского царства, которое по завещанию последнего царя Пергама отошло римлянам. До тех пор республика не стремилась к территориальным приобретениям за Дарданеллами. По той или иной причине Рим все же принял это наследство, но старательно избегал принимать на себя какие-либо дополнительные обязательства в регионе. Образованная на этих территориях провинция Азия была защищена кольцом зависимых от Рима государств. Когда Митридат начал войну против Рима, последний столкнулся с проблемой, которую не могли решить греки до Александра и не могут решить и в наши дни. Для успешной высадки в Малой Азии с запада необходимо два условия – возможность и средства, чтобы организовать снабжение армии по морю и способность брать укрепленные города. Рим вполне осознавал и учитывал эти условия. Успехи, достигнутые Лукуллом, развил Помпей. Он укрепил оборону Малой Азии, недавно присоединенной к Сирии, и создал в качестве буфера на линии Евфрата зависимое от Рима царство Коммагена. Ближний Восток вошел в состав Римского государства, однако расположенные на его территории многочисленные небольшие зависимые царства и города-государства по-прежнему сохраняли самоуправление, и Рим мало вмешивался в их внутренние дела. Но сколь бы ни были велики достижения Помпея, он все же не смог верно определить пределы римских притязаний в регионе и установить прочную границу с Парфией. Не смог он и по достоинству оценить стратегическое значение Армянского царства.

⁴⁸ Ormerod H.A. / Piracy in the Ancient World. P. III.

⁴⁹ Cicero. / Pison. 16, 38.

Последним крупным регионом, привлекавшим деятельное внимание республики, была Галлия, страна с весьма неоднородными географическими условиями. Впрочем, передвижение армий в Галлии не создавало таких трудностей, как, например, в той же Испании. Тут имелись дороги и судоходные реки, облегчавшие подвоз снабжения для армии. Страна была обширна и густо населена. Во время Галльской войны Цезарю потребовались все его лучшие качества как полководца – такие, как умение верно оценивать стратегическую обстановку, быстро реагировать на ее изменения и превосходить противника во всех, пусть даже самых незначительных, мелочах⁵⁰. Завоевание Галлии описано самим Цезарем в его *Gallia est omnis divisa* (начало первой строки сочинения Цезаря «Записки о галльской войне». – *Пер.*). Скорость и полнота завоевания Римом Галлии заслуживают самого искреннего восхищения. Но даже и в этом случае проявилось их нежелание воевать в горах – перевалы Альп, представлявшие собой самый короткий путь из Италии в Центральную Галлию, были покорены лишь при Августе⁵¹. В то время как Цезарь завоевывал Галлию, Красс предпринял попытку вторжения в Парфию и потерпел страшное поражение при Каррах. Этот поход в полной мере продемонстрировал слабость легионов при столкновении с конными лучниками парфян и все трудности перехода по безводной пустыне. С другой стороны, Парфянское царство само по себе было достаточно рыхлым и, по сути, даже не пыталось воспользоваться плодами своей победы, что позволило римлянам сохранить Сирию за собой. Поражение Красса не дало ничего для выработки Римом правильной стратегии в отношении Парфии, и нам трудно доподлинно судить о том, что именно намеревался предпринять в этом отношении Цезарь десятью годами позже. Нам неизвестно даже, как далеко на восток собирался он зайти. Антоний также не смог решить парфянский вопрос, хотя неудача его похода во многом и объясняется потерей обоза с осадным снаряжением.

В последние десятилетия своего существования республика, хотя зачастую и вынужденно, проявляла во внешней политике большую активность. На долю сменившей ее империи осталось сделать не так уж и много. Киренаика была присоединена после неторопливого обсуждения в сенате в 74 году до н. э., после битвы при Акции в состав римского государства вошел Египет, замкнув таким образом кольцо римских владений на берегах Средиземного моря. Августу оставалось установить полный контроль над Испанией, присоединить территории современных Тироля и Швейцарии, горные районы Альп и Баварию. Не менее важным было образование, ставшее возможным с присоединением Паннонии, сплошной линии сообщения между Аквилеей, Эмоной, Сирмием, Сингидунумом, Сердикой и Византием – линией, чей маршрут почти полностью совпадает с маршрутом современного Восточного экспресса. Фракия сохраняла статус зависимого государства, и сфера римского влияния постепенно распространилась вплоть до Мёзии и Дуная⁵². В этом была главная заслуга ранней империи. Перед Акцием Октавиан провел военную кампанию в Иллирии, но больше с целью обезопасить Италию, чем расширить римские владения до Дуная⁵³. Республиканский Рим поначалу вел войны ограниченного, сугубо итальянского масштаба, затем постепенно перешел на уровень всего Средиземноморья, а в наследство империи оставил проблемы уже континентального, общеевропейского, а не только средиземноморского масштаба.

Остаются еще два вопроса, которые попадают в категорию сухопутных операций Рима. Первый – преодоление естественных препятствий, второй – собственно перемещения армии. Италия сама по себе богата всякого рода естественными преградами, задерживающими продвижение противника. Долины ее рек тесны, а сами реки, как правило, мелки и

⁵⁰ Delbrück H. Op. cit. P. 548 ff.

⁵¹ Caesar. Bellum Gallic. I. 2.

⁵² Syme R. / C.A.H. X. P. 352.

⁵³ Charlesworth M.P. / Ibid. P. 84 ff.

несудоходны, их непросто форсировать. Крепости всегда играли важную роль в военном деле Италии, и римляне не раз при выборе союзников или места для новой колонии демонстрировали свое умение верно оценить стратегическую значимость той или иной позиции. Искусство фортификации долгое время опережало в своем развитии осадное дело. Римляне сами были признанными мастерами в инженерном деле, однако в области фортификации они многое заимствовали у греков. Есть свидетельства в пользу того, что в V–IV веках до н. э. строители из Великой Греции или Сицилии принимали участие в сооружении крепостей в Италии. Во время Второй Пунической войны укрепления большинства итальянских городов оказались не по зубам Ганнибалу, он не мог взять их, не понеся при этом таких потерь, которые никак не мог себе позволить. Римские армии укрывались за этими укреплениями, в то время как Ганнибал хозяйничал на равнинах Италии. Сугубо римской чертой была тщательность выбора места для строительства крепости, особенно это касалось выбора позиций для защиты жизненно важных путей сообщения.

Создается впечатление, что долгое спокойствие, которым наслаждался Рим на протяжении II века до н. э., вызвало снижение оценки важности в военном деле крепостей. Это впечатление усиливается сохранившимися свидетельствами, как во времена Суллы восставали и чинились многие укрепления. Хотя прямых свидетельств сохранилось мало, Союзническая война, по-видимому, выявила ряд слабостей римской армии. Речь идет как о собственно укреплениях и их обороне, так и об осадном искусстве. В последнем Рим многое заимствовал у греков, хотя легионеры с их подготовкой и дисциплиной заметно превосходили греков в упорстве и скорости возведения осадных сооружений. В последние десятилетия республики римляне, по-видимому, достигли в осадном деле больших высот, и их потери при штурмах и при затяжных осадах городов и крепостей были довольно невелики. Эти навыки римляне продемонстрировали, в частности, в Малой Азии, где вся страна была покрыта замками и небольшими крепостями. Насколько мы можем судить, в промежуток времени между серединой II века до н. э. и завоеваниями Цезаря был достигнут значительный прогресс в технике форсирования рек и в строительстве переправ и мостов. Знаменитый мост через Рейн не был исключительным в своем роде явлением. С другой стороны, я не думаю, что римляне смогли достичь сравнимого по уровню прогресса при проведении операций в горах. Во всяком случае, именно такой вывод следует из их обычного образа действий – римляне, как правило, старались оборонять равнинные местности, одновременно устанавливая блокаду горных проходов, заключая возвышенные районы в некое подобие осады, вместо того чтобы атаковать неприятеля, укрепившегося в горах.

Следующий вопрос – перемещение армий. Римские армии, невзирая на каждодневные траты времени на постройку лагеря, были достаточно мобильны по меркам своего времени. Во времена поздней республики скорость передвижения армий даже ощутимо возросла, во многом благодаря тому, что солдаты теперь двигались налегке. После реформ Мария римские легионеры во время похода не несли с собой груза и шли в постоянной готовности к бою, зато был организован обоз армии, разделенный на части, каждая из которых привязывалась к конкретному армейскому подразделению. Перевозки в основном осуществлялись вьючными животными, способными пройти в любой местности, в которой способен пройти и человек. Привычка римлян экономно расходовать запасы метательного оружия во время битвы в сочетании с умением сооружать военные машины из подручных материалов уже на месте избавляли армию от необходимости перевозить с собой большие запасы снарядов и тяжелые механизмы. Я уже упоминал выше о предусмотрительности, которую проявляли римляне в отношении заблаговременного устройства складов провизии. Не следует забывать и о том, что большинство легионеров были весьма умеренны в пище. Как правило, к участию в операциях привлекались сравнительно небольшие силы кавалерии, что отчасти снимало проблему корма для лошадей и позволяло обходиться подручными средствами. В

случае же, если размах боевых действий требовал участия больших сил кавалерии, римлянам приходилось организовывать доставку снабжения для них. С другой стороны, потребность в корме для лошадей все же никогда не устранялась полностью, что ограничивало время активных боевых действий летними месяцами. Одной из причин, побудивших Цезаря принять рискованное решение блокировать Помпея в Диррахии, было стремление ослабить его кавалерию, лишив ее окрестных пастбищ, а следовательно, и корма для животных⁵⁴.

Римский солдат был весьма вынослив и умел выдерживать долгие переходы. Тут уместно привести слова Морица Саксонского: «Вся тайна маневров и боев заключается в ногах, и именно на ноги должно быть обращено наше внимание». Наполеону же принадлежит следующее выражение: «Секрет победы заключен в том, чтобы сначала пройти 12 миль, затем сражаться, а затем еще 12 миль преследовать неприятеля». Мы, конечно, должны скептически относиться к свидетельствам античных историков, но все же лучшие римские армии вполне могли соответствовать высоким стандартам Наполеона – к примеру, войска Цезаря при Герговии и Фарсалах, пожалуй, не уступали в подвижности даже армиям нового времени. Этому, правда, способствовала сравнительная малочисленность армий Античности. В силу этого же фактора потери на марше, которые обычно растут в геометрической прогрессии вместе с численностью самой армии, у римлян были сравнительно невелики. Первое правило Наполеона гласило, что два солдата всегда лучше, чем один, и Наполеон делал все возможное, чтобы доставить невредимыми этих самых солдат к месту сражения. Цезарь, пожалуй, не согласился бы с ним, возразив, что один хорошо подготовленный солдат лучше, чем два, обученные посредственно⁵⁵. Руководствуясь этим принципом, римляне старались избегать чрезмерного увеличения своих армий и связанных с этим неудобств при их переброске. Разведка традиционно относилась к слабым местам римской армии, однако строгая дисциплина, поддерживавшаяся в армии и в походах, позволяла избегать больших потерь, за исключением разве что переходов в особо сложных условиях, примером чему может служить отступление Антония из Парфии. В истории римской армии нет примеров, подобных стремительному наступлению Александра Великого, который, казалось, не замечал ни расстояний, ни трудностей рельефа. Не было и ничего подобного осуществлявшимся по строгому графику сборам армии Наполеона, но на выносливость и скорость своих солдат римляне всегда могли смело рассчитывать.

⁵⁴ *Caesar*. *Bellum Civilization*. III. 58, 1.

⁵⁵ *Caesar's Art of War and of Writing / The Atlantic Monthly*. XLIV. 1879. P. 282.

Глава 4

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЯ

Я не буду рассматривать действительные мотивы римской внешней политики, а постараюсь раскрыть взаимосвязь между этой политикой и войной. Знаменитое определение войны гласит, что она является лишь продолжением государственной политики иными средствами. Из этого утверждения следует, что своих целей во внешней политике возможно достигать как мирными средствами, избегая войны, так и наоборот – дипломатией готовить почву и условия для этой войны. Заполучить самому как можно больше союзников и вместе с тем лишить союзников неприятеля – задача, которую можно решить, лишь имея продуманную стратегию и проводя мудрую и дальновидную внешнюю политику. Мы постараемся разобраться в том, существовало ли в Риме понимание взаимосвязи войны и дипломатии и как проводимая Римом внешняя политика выдержала испытание войной.

С самого начала своей истории Рим старался заключать такие союзы, которые либо усиливали его стратегические позиции, либо ослабляли позиции нынешних или вероятных противников. Например, союз Рима с его ближайшими соседями, латинами и герниками, облегчил оборону границ и в целом улучшил положение Рима. Между римлянами и латинскими племенами существовало, конечно, понимание их родства, но все же главной причиной существования их союза являлись те стратегические выгоды, которые они несли обеим сторонам. Существовали союзы, основанные не на общности интересов или исторических привязанностях, но лишь на некоторых, актуальных лишь на данный момент времени стратегических соображениях. К таковым можно отнести союз Рима с конфедерацией самнитов в IV веке до н. э.⁵⁶ Как и большинство подобных союзов, он оказался недолговечным. Общность экономических интересов, разумеется, также могла служить основанием для союза, но, надо отметить, в древности выгоды от таких союзов ценили не слишком высоко, и внешняя политика чаще определялась сугубо военными и стратегическими соображениями. При этом целями этой политики могли служить как предотвращение войны, так и, наоборот, подготовка этой войны.

⁵⁶ С.А.Н. VII. Р. 585–586.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.